

И. В. Савицкий

К биографии Сергея Николаевича Казнакова¹

Интерес историков к личности своих научных предшественников всегда был объясним несколькими основными факторами. С одной стороны, это изучение методики работы в конкретной научной области, помогающее самому исследователю использовать дополнительные приемы в изучении материала. С другой стороны, это научный архив предшественников, подчас просто кладезь информации по интересующим историка темам. Вполне естественно, что при таких подходах наибольший интерес всегда представляли научные биографии и архивы известных исследователей, внесших заметный вклад в развитие научного знания. Например, среди генеалогов по понятным причинам пристальное внимание вызывает наследие академика Н. П. Лихачева, основателя Историко-родословного общества в Москве Л. М. Савёлова и других патриархов отечественной генеалогии. В данном же материале мне бы хотелось проанализировать исследовательский почерк «среднего» научного звена генеалогов. В эту группу можно отнести лиц, достаточно профессионально владеющих исследовательской методикой своего времени, однако не сделавших генеалогию главным делом своей жизни, сочетавших ее со многими другими научными занятиями.

Наиболее подходящим объектом для подобных исследований является действительный шталмейстер Высочайшего Двора Сергей Николаевич Казнаков (1863–1930). Благодаря активной научной и общественной деятельности он оставил богатое собрание документов, ныне распределенное по нескольким

¹ Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

архивохранилищам. Прежде всего это фонд Казнаковых в РГИА (№ 948), насчитывающий 388 дел (самому Сергею Николаевичу первоначально принадлежало менее половины документов). К ним относятся материалы по генеалогии рода (включая материнскую линию С. Н. Казнакова — Неклюдовых), документы о службе родственников С. Н. Казнакова (в том числе о деятельности отца — флигель-адъютанта Николая Геннадьевича, деда — генерал-майора Геннадия Геннадьевича, брата — путешественника Александра Николаевича), а также материалы о деятельности С. Н. Казнакова в качестве чиновника Министерства иностранных дел, касающиеся внешней политики Российской империи в Юго-Восточной Европе. Стоит отметить, что составителей описей этого фонда можно с полным правом причислить к исследователям генеалогии Казнаковых, так как структура описи представляет собой почти готовое генеалогическое древо.

Другим местом хранения документов С. Н. Казнакова является Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Они собраны в фонде № 424 и включают материалы, относящиеся к лицейским годам жизни Казнакова (похвальные листы, формуляры, реферативные сочинения и др.), его работе над известным Русским биографическим словарем и организации музейных выставок. Наконец, относительно небольшой объем документов собран в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (фонд 188), содержащем богатый эпистолярный архив Казнакова и его работы, посвященные генеалогии Нелидовых и искусствоведению.

Таким образом, сохранившиеся документы позволяют разносторонне рассмотреть деятельность Сергея Николаевича Казнакова, более признанного в отечественной науке в качестве искусствоведа и биографа. Публикации последних двадцати лет вывели эту скромную по историческим меркам фигуру из тени, так и не дав общего взгляда на ее творческую биографию. При этом перед автором стоит цель выявить наиболее типические черты деятельности С. Н. Казнакова, присущие генеалогам предреволюционного периода.

Одной из первых черт, сближающих поколение генеалогов конца XIX — начала XX в., является их достаточно знатное происхождение. Род Казнаковых (в старину — Кознаковых) был известен в Московском государстве с XVI в. Наиболее полно их родословие было изучено и опубликовано В. В. Руммелем и В. В. Голубцовым, а также П. П. фон Винклером². По преданию, предок рода — Василий Кознакович — был выходцем из Золотой Орды, однако прямую генеалогическую схему авторы смогли провести только от Ермолая Кознакова, жившего в конце XVI в. Сам Сергей Николаевич, относившийся к X поколению от Ермолая, родился в семье известного чиновника того времени — Николая Геннадьевича Казнакова (1823–1885) — Киевского военного губернатора, впоследствии генерал-губернатора Западной Сибири,

² Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886. С. 345–350; Т. 2. СПб., 1887. С. 854 (примечания); фон Винклер П. П. Родословия русского дворянства. Дворяне Казнаковы. СПб., 1895.

генерала-адъютанта и члена Государственного Совета³. Вполне естественно, что семья имела не только богатый архив, но и портретную галерею, представлявшие хорошую тренировочную площадку для начинающего генеалога. Более того, в семейной библиотеке, постоянно пополнявшейся и насчитывающей более 800 томов редких книг, можно было найти весь «джентльменский набор» уважающего себя генеалога того времени: издания П. В. Долгорукова, А. Б. Лобанова-Ростовского, В. В. Руммеля и многих других авторов⁴.

Благодаря семейному воспитанию Сергей Николаевич с отличием закончил Императорский Александровский лицей и получил возможность работать в Министерстве иностранных дел, несколько лет руководимом известным генеалогом князем А. Б. Лобановым-Ростовским (с которым у Казнакова была общая область генеалогических интересов — биография Е. И. Нелидовой).

Как видим, с формальной точки зрения С. Н. Казнакова было нельзя назвать профессиональным генеалогом. Его интересы отличались большой широтой и включали в себя изучение антиквариата, фалеристики, живописи, миниатюры, гравюры и многих других сфер. Но изучение родословных наложило отпечаток на стиль практически всей его работы. Вот как, например, он описывает происхождение кушетки из красной кожи, принадлежавшей Екатерине II, «на которой императрица Мария Федоровна разрешилась от бремени будущим императором Александром I»: «Кушетка эта находилась на чердаке в имении Воин, Орловской губернии, принадлежавшем Ивану Петровичу Новосильцову. <...> От И. П. Новосильцова имение Воин перешло к его племяннице, Зинаиде Николаевне Нечаевой, рожденной княжне Вяземской, которая и подарила мне эту кушетку. Привезена она была в Воин Марией Савишной Перекусихиной, когда она приезжала в Воин к своей племяннице Торсуковой, бывшей замужем за Петром Ивановичем Новосильцовым, дедом Ивана Петровича Новосильцова»⁵. Трудно сказать, можно ли по этому фрагменту судить о его авторе как о знатоке антиквариата, но как о прирожденном генеалоге — вполне.

Примечательно, что генеалогией собственного рода С. Н. Казнаков практически не занимался. Работу по сбору сведений об отдельных его представителях Казнаков доверил П. Н. Столпянскому, составившему для заказчика более 113 именных карточек и продававшему их по 50 копеек за штуку⁶.

³ О деятельности С. Н. Казакова и членов его семьи см. также: *Кубочкин С. Н.* Генерал Казнаков — просветитель Тюмени // Лукич. Тюмень, 2002. № 2. С. 168–179; *Савицкий И. В.* Сергей Николаевич Казнаков: обзор источников к биографии // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII Международной научной конференции. Москва, 28–30 января 2010 г. М., 2010. С. 334–336.

⁴ Краткое описание книг, гравированных портретов и эстампов, миниатюр и медалей Екатерининской эпохи из собрания С. Н. Казнакова. СПб., 1903. С. 1–2.

⁵ Опись предметам, завещаемым в музей Старого Петербурга 1919 г. // Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 37. Л. 1–3.

⁶ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПбИИ РАН). Ф. 188. Оп. 1. Д. 129. Л. 57–58.

Чтобы понять почерк исследователя, необходимо определить источниковую базу его работ. Можно констатировать, что С. Н. Казнаков использовал прежде всего источники личного происхождения, т.е. мемуары, дневники и переписку изучаемых лиц. Такое мнение складывается из изучения его Алфавитного указателя биографико-библиографических сведений, представляющего собой общую тетрадь красного цвета с золотым теснением и содержащего в основном ссылки на мемуарную литературу⁷. Такое самоограничение способствовало достаточно широкому, но неглубокому изучению генеалогии известных родов. По-видимому, Казнаков не стремился углублять свое знание, довольствуясь уже вышедшими к тому времени материалами. Зато в его руках находились сведения о новейших изменениях в известных семьях, что и можно было называть «исследовательской нишей» Сергей Николаевича.

Разумеется, здесь исследователю пригодились и постоянные личные контакты с представителями интересующих его фамилий. Имея репутацию светского льва, он был завсегдатаем наиболее популярных петербургских салонов. В архиве Сергея Николаевича заботливо сохранились эпиграммы на него, датированные 1909 г.:

Как горазд Сергей дразнить
И немилостью казнить!
Но все любят Казнакова.
Друга верного такого
Этим дамам не сыскать;
Его принято ласкать,
Все капризы исполнять!

Но скажу Вам, Казнаков
Не для всех друзей таков.
А для дамского кружка,
Где вращается он вечно,
Его слава велика,
Принят там весьма сердечно.
И в оракулы его
Производят одного.

Но особый интерес, доходивший до фанатизма, С. Н. Казнаков испытывал к эпистолярному наследию. В его архиве сохранился большой комплекс входящей корреспонденции, среди которой встречаются письма дипломатов С. Ю. Витте, В. Н. Ламздорфа, М. И. Терещенко (с семьей которого у Казнаковых были весьма доверительные отношения), историка К. Валишевского (они встретились в Париже в 1910 г.), мецената С. П. Дягилева, директора Эрмитажа А. А. Васильчикова и других известных личностей того периода. Сохранились также конверты от писем императрицы Марии Федоровны. Можно сказать, что создатель архива занимался целенаправленным сбором писем от известных людей, в том числе провоцируя их на переписку посылкой своих книг в подарок. Но тяга к письмам отразилась и на его искусствоведческих публикациях. Например, в последний предвоенный год вышла интереснейшая

⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 9.

⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 948. Оп. 1. Д. 257. Л. 5 об., 12 об.

работа С. Н. Казнакова, посвященная так называемым пакетовым табакеркам — непременно атрибутам великосветского этикета, имевшим внешний вид запечатанного сургучом конверта⁹. Хотя тематика книги была далека от генеалогии, в ее написании безошибочно угадывается рука генеалога и биографа: издание содержит большой список кратких биографий, описание окружения Елизаветы Петровны и этикета XVIII в. Автор полностью погружает читателя в атмосферу изучаемой эпохи. Примечательно, что значительная часть описанных табакерок находилась в собственном собрании автора. В связи с последующими событиями в стране эта работа сохраняет большую научную ценность до сих пор.

Немудрено, что в столичных салонах С. Н. Казнаков был больше известен как искусствовед. Этому способствовало и его активное участие в подготовке выставок, посвященных дворянской бытовой культуре XVIII в. Так, одновременно с бароном Н. Н. Врангелем он участвовал в подготовке выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» в Екатерининском (Круглом) зале Академии художеств в 1912 г¹⁰. Кроме того, он изредка занимался скупкой собраний у наследников умерших коллекционеров. В частности, благодаря ему в Российский Императорский музей им. Александра III в Москве было передано собрание фарфора В. П. Скарятиной¹¹.

Помимо научных исследований, С. Н. Казнаков проявил себя и как патриот. В его скромном петербургском доме, находившемся рядом с Зимним дворцом на улице Миллионной, 9, в 1914–1917 гг. был открыт лазарет для раненых русских офицеров под покровительством великой княгини Марии Павловны¹².

Однако это была скорее внешняя сторона общественной деятельности Сергея Николаевича. Значительно больше времени занимали его историко-биографические исследования. В начале 1900-х гг. через А. А. Голумбиевского он был привлечен к работе над Русским биографическим словарем. По-видимому, С. Н. Казнаков выступал как консультант при составлении около двух десятков биографий известных российских деятелей XVIII–XIX вв., предоставляя сведения о представителях родов Гагариных, Демидовых, Шаховских и многих других¹³. Это видно из сохранившихся писем Голумбиевского. К сожалению, ответных писем Казнакова в этом фонде практически не сохранилось.

Попутно С. Н. Казнаков, подтверждая репутацию светского льва, не отказывал себе в собирании разного рода слухов. В его бумагах сохранились записи об убийстве Григория Распутина, чему якобы был несказанно рад император Николай II, и подготовке переворота великим князем Дмитрием Павловичем —

⁹ Казнаков С. Н. Пакетовые табакерки Императорского фарфорового завода. СПб., 1913. 199 с. Книга оформлена художниками Г. И. Нарбутом и В. Я. Чемберсом.

¹⁰ Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 37. Л. 13–14; там же. Д. 45.

¹¹ Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 44. Л. 7.

¹² РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 178, 179, 199, 214; Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 51.

¹³ Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 14.

одним из участников данного убийства¹⁴. Интереснейшие на первый взгляд материалы были записаны со слов подруг известной при Дворе актрисы Марианны Дерфельден, имевшей репутацию распространительницы «грязных» сплетен про императорскую семью и временно арестованной по делу Распутина. Вероятно, под стать ей были и подруги. Эти записи иллюстрируют собой все субъективные особенности источников личного происхождения и являются если не прямой фальсификацией, то по крайней мере сильным преувеличением отдельных аспектов описываемых событий. Они не нашли отражения в творчестве Казнакова, лишь записавшего дополнительно свою беседу с Феликсом Юсуповым осенью 1917 г.

Спектр общественных занятий Сергея Николаевича был действительно необычайно широк. Он являлся членом Русского географического общества, Общества ревнителей исторического просвещения, Тульской архивной комиссии, Совета Русского музея императора Александра III и даже Всероссийского аэроклуба. В марте 1914 г. С. Н. Казнаков стал действительным членом Русского исторического общества, причем он был принят одновременно с князем Н. В. Голицыным и известным русским историком А. С. Лаппо-Данилевским. Свое внимание в Обществе Казнаков сосредоточил на археографических поисках. Он принимал участие в работе Съезда представителей губернских ученых архивных комиссий в мае 1914 г., вместе с известным генеалогом К. А. Губастовым работал в комиссии для поиска документов по истории Восточного вопроса и освобождению славян от турецкого ига (это совпадало и с его интересами в МИДе)¹⁵. Возможно, подобная работа могла способствовать углублению научных поисков Казнакова, однако, к сожалению, долго трудиться на этом поприще ему не пришлось.

1917 г. стал критическим в развитии отечественной генеалогии. Октябрьские события привели к разрыву прежних человеческих отношений, значительному уничтожению материальной базы исследований и фактическому запрету целого ряда научных сфер, в том числе и генеалогии. Сохранившиеся документы позволяют анализировать поведение С. Н. Казнакова в первое время сначала анархистского, а затем и большевистского дебоша, его отношение к новой власти.

Конечно, ни о какой активной общественной деятельности речь идти не могла. Дворянскую интеллигенцию беспокоили две актуальнейших проблемы — сохранение жизни близким людям и спасение еще не разоренных коллекций и архивов. Практически сразу после Февральской революции в Кронштадте был расстрелян матросами контр-адмирал Российского флота Александр Григорьевич Бутаков — муж родной сестры С. Н. Казнакова Ольги Николаевны. Осенью репрессии прошли по руководству и рядовым членам Русского

¹⁴ РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 180. Опубликовано: «Свидание должно быть обставлено тайной...» / Публ. Б. Гальпериной // Источник. 1993. № 3. С. 22–28.

¹⁵ Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 47–49.

генеалогического общества, многие его члены (в частности К. А. Губастов) скончались от голода и тяжелых условий жизни. Волна арестов и обысков прошла среди петроградских антикваров. В день большевистского переворота, 25 октября, сам Казнаков тоже был арестован в солдатском клубе Павловского полка, но вскоре отпущен. В такой ситуации оставшиеся в живых носители «старой культуры» пытались помочь друг другу как могли. Есть подозрения, что Казнаков был причастен к переходу через границу под именем матроса Титова бывшего министра иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко. В эпистолярном архиве Сергея Николаевича сохранились не только письма Терещенко из Петропавловской крепости, но и его телеграмма о приезде на границу¹⁶. Если эта гипотеза окажется верна, она может потянуть за собой ряд других схожих сведений, показывая Казнакова как одного из организаторов «коридора» в Европу.

Однако и самому Сергею Николаевичу требовалась помощь. Он находился без средств к существованию (местный комитет бедноты даже выдал бывшему шталмейстеру свидетельство на право приобретения бинтов и других предметов первой необходимости), не имел постоянной работы и был вынужден пользоваться услугами иностранного Красного Креста (неужели лазарет в его доме продолжал работать?). И всё же старые связи сыграли свою роль: некоторое время после революции С. Н. Казнаков, видимо, работал в Русском музее на улице Инженерной, 4¹⁷, одновременно являясь ассистентом Историко-художественного отдела Эрмитажа. В мае 1921 г. с подачи Л. Н. Перетца он был утвержден сверхштатным научным сотрудником Пушкинского Дома без предоставления содержания¹⁸. В списках внештатных сотрудников Пушкинского Дома, сохранившихся в Петербургском филиале архива РАН на Университетской набережной, его фамилия встречается в документах за 1921–1924 гг.¹⁹ Однако уже в апрельском списке за 1924 г. его фамилия была вычеркнута²⁰.

20 мая 1919 г. С. Н. Казнаков в составе большой группы людей (в которой оказался и известный генеалог А. А. Сиверс) был задержан при посещении Датского Красного Креста на улице Садовой, 9 и несколько дней провел под арестом. При этом подозрение чекистов вызвала прежде всего профессия Казнакова — историк. В фонде РГИА сохранился его дневник, служивший автору отдушиной в период вынужденного заточения. «Пишу и не замечаю, как время проходит. Если, чего доброго, окажусь на Шпалерной, то буду в отдельной камере, с кроватью, иметь белье, возможность мыться; если позволят, как всем, иметь книги, посылки из дома, читать и писать, думаю, что просуще-

¹⁶ Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 129. Л. 64–68.

¹⁷ Там же. Л. 70–71.

¹⁸ Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 25.

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 150 (Пушкинский Дом). Оп. 1. Д. 1. Л. 94 об.; там же. Д. 9. Л. 75.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4. Л. 108.

ствую сносно»²¹. Но несмотря на внешнее смирение, сквозь строчки дневника всё же прорывается весьма конкретное отношение автора к новой власти. «У дверей внутри и снаружи стоят вооруженные “коммунисты” — очень типичные, молодые, со скотским выражением лица, отупелым, совершенно бессмысленным взглядом. Просто жалко их: что происходит в их глупых башках?»²² Эти строки очень созвучны настроению дворянской интеллигенции того времени.

Видимо, этот случай не оставил у С. Н. Казнакова никаких иллюзий о возможности сохранения своих коллекций в частных руках. С 1919 г. он начинает их передачу в фонды государственных хранилищ. Прежде всего это коснулось антикварной мебели, частично переданной в музей Старого Петербурга и в Государственный Эрмитаж. В Эрмитаже оказалась и портретная галерея Казнаковых, насчитывающая 52 произведения (в том числе 12 портретов самих Казнаковых)²³. Скорее всего, упомянутые передачи были не единственными: в домашней коллекции историка и искусствоведа еще в начале XX в. значилось более 300 гравюр, заказывавшихся в основном у европейских антикваров, собрание миниатюрных портретов русских государей на эмали, слоновой кости, пергаменте, перламутре и золоте, богатая нумизматическая коллекция, содержащая почти все медали периода царствования Екатерины II²⁴.

И тем не менее С. Н. Казнаков был не намерен прекращать свою научную деятельность. Еще до революции им была подготовлена рукопись «Архив Е. И. Нелидовой (1796–1828 гг.)» с приложением 20 писем Нелидовой и императрицы Марии Федоровны. Осенью 1920 г. в Рукописный отдел Пушкинского Дома поступили бумаги архива из села Дубровицы, принадлежавшего ранее князьям Голицыным и перешедшего позднее к князьям Васильчиковым. В нем находилось около 130 писем Нелидовой к Марии Федоровне и другим лицам. С. Н. Казнаков получил к ним доступ с помощью Б. Л. Модзалевского. Более того, вскоре хранителем Гатчинского дворца-музея В. К. Макаровым был случайно найден ящик с 401 письмом Нелидовой, из которого 61 до того времени не было известно Казнакову. В итоге работа над рукописью была продолжена и заняла около 30 папок и тетрадей небольшого объема, составленных по хронологическому принципу²⁵.

²¹ РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 181. Л. 10 об. Примечательно, что «миновать» Шпалерную улицу Казнакову всё же не удалось: в 1920-е гг. он проживал в доме № 6, кв. 4 по улице Войнова.

²² РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 181. Л. 5 об. — 6. Опубликовано: *Скурлов В. В., Рупасов А. И.* Дневник арестованного Чрезвычайной комиссией при посещении Датского Красного Креста С. Н. Казнакова во время содержания его под стражей с 20 по 24 мая 1919 г. // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 249–274.

²³ Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 37. Л. 19–20 и др.

²⁴ Краткое описание книг, гравированных портретов и эстампов, миниатюр и медалей Екатерининской эпохи... С. 3–6.

²⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 41, 42.

Издать ее в Советской России не представлялось возможным, и 11 октября 1924 г. Сергей Николаевич подал прошение на отправку рукописи за границу для ее перевода на немецкий язык и публикации. За основу был взят текст, написанный, видимо, до 1917 г. В нем сиреневыми чернилами были сделаны различные исправления и дополнения. Они касались не только политических нюансов, поэтому можно предположить, что правка сделана самим автором. Что же не устроило его в старом тексте? Прежде всего, были сняты многие сетования на послереволюционные порядки. Так, накрест зачеркнута фраза о том, что личность одного из авторов документов «могла бы быть без особого труда установлена в другое, более легкое для архивных изысканий время». Между тем другая фраза была изменена в противоположную сторону: «Остается только пожелать, чтобы со временем удалось найти в архиве Собственной его Императорского Величества библиотеки в Зимнем дворце (зачеркнуто. — И. С.) письма императрицы Марии Федоровны к Е. И. Нелидовой за 1825–26 гг., если они не подверглись уничтожению (дописано автором. — И. С.)»²⁶.

С другой стороны, после исправлений стиль текста стал гораздо суше. Были вычеркнуты многие эмоциональные реплики автора, не носившие политического характера. Так, вместо словосочетания «православное богочитание» было написано просто «православие», зато оставлено выражение «христианское благочестие». Можно предположить, что политические катаклизмы наложили серьезный отпечаток на личность исследователя, хотя светский лоск члена высшего общества продолжал чувствоваться в его поведении.

В архивах сохранились черновики и к другим рукописям, так и не увидевшим свет. Например, «Книжки о белом фарфоре», писавшейся предположительно в 1918–1919 гг., подготовительные материалы к статье «Русские граверы-любители XVIII века», собиравшиеся в течение 10 лет вплоть до 1917 г.²⁷ К сожалению, в тот момент эти работы остались невостребованными.

В середине 1920-х гг. Сергею Николаевичу пришлось покинуть Россию. Он скончался 19 апреля 1930 г. и был похоронен под Парижем на знаменитом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа вместе с младшим братом, известным путешественником Александром Николаевичем Казнаковым (1871–1933)²⁸.

Таким образом завершился жизненный путь историка, искусствоведа и дипломата С. Н. Казнакова. Безусловно, его имя не упоминается в списке известных исследователей, однако именно на плечи этого слоя энтузиастов лег огромный пласт черновой работы (в частности при подготовке Русского биографического словаря). В их задачи вошло не только собирание исследо-

²⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 14. Л. 11, 116.

²⁷ РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 183, 184.

²⁸ *Grezine I. Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière du Sainte-Geneviève-des-Bois*. Paris, 1995. P. 162.

вательского материала, укрепление связей между специалистами, но и сохранение этого культурного наследия в послереволюционные годы. Потеря части источникового материала, оперирование принципиально иным научным и бытовым лексиконом делают изучение деятельности этих исследователей актуальным и в наши дни.

References

- Grezie I.* Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière du Sainte-Geneviève-des-Bois. Paris, 1995. P. 162.
- Kaznakov S.N.* Paketovye tabakerki Imperatorskogo farforovogo zavoda. SPb., 1913.
- Kratkoe opisanie knig, gravirovannykh portretov i estampov, miniatur i medalei Ekaterininskoi epohi iz sobraniya S.N. Kaznakova. SPb., 1903.
- Kubochkin S.N.* General Kaznakov — prosvetitel' Tyumeni // *Lukich. Tyumen'*, 2002. № 2. P. 168–179.
- Rummel V.V., Golubtsov V.V.* Rodoslovnyy sbornik russkikh dvoryanskikh familii. T. 1. SPb., 1886. P. 345–350; T. 2. SPb., 1887. P. 854.
- Savitskii I.V.* Sergei Nikolaevich Kaznakov: obzor istochnikov k biografii // *Istoriografiya istochnikovedeniya i vspomogatelnykh istoricheskikh distsiplin: Materialy XXII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. M., 2010. P. 334–336.
- Skurlov V.V., Rupasov A.I.* Dnevnik arestovannogo Chrezvychainoi komissiei pri poseshenii Datskogo Krasnogo Kresta S.N. Kaznakova vo vremya sodержaniya ego pod strazhei s 20 po 24 maya 1919 g. // *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2014. № 3. P. 249–274.
- «Svidanie dolzhno byt obstavleno тайной...» / Publ. B. Galperinoi // *Istochnik*. 1993. № 3. P. 22–28.
- fon Vinkler P.P.* Rodosloviya russkogo dvoryanstva. Dvoryane Kaznakovy. SPb., 1895.

Список литературы

- Казнаков С.Н.* Пакетовые табакерки Императорского фарфорового завода. СПб., 1913.
- Краткое описание книг, гравированных портретов и эстампов, миниатюр и медалей Екатерининской эпохи из собрания С.Н. Казнакова. СПб., 1903.
- Кубочкин С.Н.* Генерал Казнаков — просветитель Тюмени // *Лукич. Тюмень*, 2002. № 2. С. 168–179.
- Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886. С. 345–350; Т. 2. СПб., 1887. С. 854.
- Савицкий И.В.* Сергей Николаевич Казнаков: обзор источников к биографии // *Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII Международной научной конференции*. Москва, 28–30 января 2010 г. М., 2010. С. 334–336.
- «Свидание должно быть обставлено тайной...» / Публ. Б. Гальпериной // *Источник*. 1993. № 3. С. 22–28.
- Скурлов В.В., Рупасов А.И.* Дневник арестованного Чрезвычайной комиссией при посещении Датского Красного Креста С.Н. Казнакова во время содержания его под стражей с 20 по 24 мая 1919 г. // *Петербургский исторический журнал*. 2014. № 3. С. 249–274.
- фон Винклер П.П.* Родословия русского дворянства. Дворяне Казнаковы. СПб., 1895.
- Grezie I.* Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière du Sainte-Geneviève-des-Bois. Paris, 1995.